

ПЕРЕВОДЫ

Гарольд Гарфинкель

Что такое этнометодология?*

Собранные в этой книге исследования трактуют практическую деятельность, практические обстоятельства и практические социологические рассуждения в качестве тем для эмпирического изучения и, направляя внимание, обычно уделяемое экстраординарным событиям, на самые обычные действия в повседневной жизни, стремятся исследовать их как самостоятельные феномены. Основное их заключение состоит в том, что действия, посредством которых члены производят обстановку организованных повседневных занятий и управляют ей, идентичны процедурам, при помощи которых члены делают эту обстановку «объяснимой». «Рефлексивный» или «воплощенный» характер действий объяснения и самих объяснений составляет центральное звено данного заключения. Когда я говорю об объяснимом [понятном], меня интересуют следующие моменты. Я имею в виду наблюдаемое-и-сообщаемое, т.е. доступное членам в виде ситуативных действий рассматривания-и-проговаривания. Я имею в виду так же, что такие действия заключаются в непрекращающемся, текущем, случайном осуществлении; что они выполняются под воздействием и воспринимаются как события в рамках тех же самых обыденных занятий, которые они описывают в процессе организации; что эта деятельность реализуется сторонами в той обстановке, навыки взаимодействия с которой, знание которой и владение детальной работой осуществления которой — компетентность в которой — они имеют своим условием, опознают, используют и считают само собой разумеющейся, и *то*, что они считают свою компетентность само собой разумеющейся, уже само по себе обеспечивает сторонам отличительные и специфические черты обстановки, а также ресурсы, проблемы, проекты и все остальное.

Некоторые структурно неоднозначные характеристики методов и результатов, с помощью которых люди, занимающиеся социологией (любительски и профессионально) придают наблюдаемый характер практической деятельности, были перечислены Хелмером и Решером¹. Когда объяснения повседневных действий, создаваемые членами, используются в качестве предписаний для локализации, идентификации, анализа, классификации, опознания или для собственного решения в сопоставимых случаях, соблюдаемые членами предписания законоподобны, ограничены в пространстве и времени и «приблизительны». «Приблизительность» означает, что хотя они намеренно условны по своей логической форме, «природа этих условий такова, что они зачастую могут и не проговариваться целиком или полностью». Авторы приводят в качестве примера утверждение о тактике морского флота в XVIII столетии. Они отмечают, что контрольным условием этого утверждения является указание на состояние корабельной артиллерии.

Уточняя условия (при которых подобное утверждение было бы верно), историк вычленяет то, что типично для данного места и времени. Полное описание такого указания

* *Garold Garfinkel. Studies in Ethnomethodology. Prentice Hall Inc., New Jersey, 1967. Chapter 1. What is ethnomethodology? P.1-35.*

Перевод главы 2 см. «Социологическое обозрение». 2002. №1. Т.2, перевод главы 3 см. «Социологическое обозрение». 2003. №1. Том. 3.; перевод главы 8 см. «Социологическое обозрение». 2003. №3. Том.3.

© Центр фундаментальной социологии, 2003.

© Корбут Андрей, 2003.

¹ Olaf Helmer and Nicholas Rescher, *On the Epistemology of the Inexact Sciences*, P-1513 (Santa Monica, California: RAND Corporation, October 13, 1958), pp. 8-14.

может быть весьма обширным и неисчерпаемым; например... довольно быстро артиллерия отсылает через технологию обработки металла к металлургии, добыче угля и т. д. Таким образом, условия, операционализирующие формулировку исторического закона, могут быть обозначены лишь в общем виде и не должны с необходимостью быть — и, несомненно, в большинстве случаев не будут — исчерпывающим образом артикулированы. Такая характеристика этих законов называется здесь *приблизительностью*...

Следствием приблизительности исторических законов является то, что они не универсальны, а только квазиобщи в том смысле, что они допускают исключения. Поскольку условия, очерчивающие область применения закона, часто не артикулированы исчерпывающим образом, предполагаемое нарушение закона можно объяснить, показав, что легитимное, но еще не сформулированное, предварительное условие применимости закона не выполняется в рассматриваемом случае.

Нужно учесть, что это верно в отношении каждого *конкретного* случая, причем верно не в силу значения «квазизакона», а благодаря текущей, конкретной деятельности исследователей.

Дальше Хелмер и Решер пишут:

Законы можно рассматривать как содержащее молчаливое предупреждение, имеющее вид «обычно» или «в остальном точно так же». Исторический закон, поэтому, не является строго универсальным в том смысле, что его не следует воспринимать как применимый ко всем случаям, охватываемым его эксплицитно сформулированными или могущими быть сформулированными условиями; скорее, его можно понять как предназначенный для формулирования связей, которые устанавливаются в общем или, лучше сказать, которые устанавливаются «как правило».

Такой «закон» мы будем называть *квазизаконом*. Чтобы этот закон был обоснован, не нужно, чтобы отсутствовали видимые исключения. Нужно только, чтобы, если видимое исключение появится, ему было дано адекватное объяснение, объяснение, демонстрирующее исключительные характеристики данного случая посредством установления нарушения надлежащего, пусть даже до сих пор не сформулированного, условия применимости закона.

Эти и другие черты можно перечислить ради той убедительности, с которой они описывают объясняющую деятельность членов. Так: 1) Всегда, когда члену требуется продемонстрировать, что его объяснение анализирует реальную ситуацию, он неизменно использует действия типа «и так далее», «пока что-то не изменится» и «не стоит на этом останавливаться» для демонстрации рациональности своего достижения. 2) Определенность и осмысленность того, о чем сообщается, устанавливается путем приписывания сообщающим и слушающим друг другу, того, что каждый из них предъявит любое незаявленное понимание, которое потребует. Поэтому многое из того, о чем действительно сообщается, не упоминается. 3) Объяснения, в процессе их оглашения, имеют свойство требовать, чтобы «слушающие» проявляли готовность ждать, что будет сказано, с целью прояснения нынешней значимости того, что было сказано. 4) Подобно разговорам, репутациям и карьерам, фрагменты объяснений выстраиваются шаг за шагом по мере их фактического использования и ссылок на них. 5) Смысл материалов любого объяснения имеет свойство значительно зависеть от их положения в ряду, от их релевантности проектам слушающего или от хода развития организационных случаев их использования.

Короче, *опознаваемый* смысл, или факт, или методичный характер, или обезличенность, или объективность объяснений не являются независимыми от социально организованных случаев их использования. Их рациональные черты *закключаются* в том, как члены употребляют, во что они «превращают» объяснения в социально организованных актуальных случаях их использования. Благодаря своим рациональным чертам объяснений членов рефлексивно и сущностно связаны с социально организованными случаями их

использования, поскольку они являются *чертами* социально организованных случаев их использования.

Эта связь определяет центральную тему наших исследований: рациональную объяснимость практических действий как текущее практическое осуществление. Я хочу развить эту тему, рассмотрев три составляющих ее проблемных феномена. Где бы дело ни касалось исследований практических действий и практических рассуждений, эти исследования заключаются в 1) невыполнимых программных различии и заменимости индексичных выражений объективными (контекстно-свободными); 2) «неинтересной» сущностной рефлексивности объяснений практических действий и 3) анализируемости действий-в-контексте как практическом осуществлении.

Невыполнимые программные различие и заменимость индексичных выражений объективными

Демонстрируемые объяснениями свойства (в силу того, что они являются чертами социально организованных случаев их использования) представлены в исследованиях логиков как свойства индексичных выражений и индексичных суждений. Гуссерль² говорил о выражениях, смысл которых слушающий не способен установить, не зная или не догадываясь с необходимостью о биографии и целях пользующегося выражением, обстоятельствах высказывания, предшествующем ходе разговора или специфическом отношении актуального либо потенциального взаимодействия, существующем между высказывающимся и слушающим. Рассел³ отмечал, что опирающиеся на такие выражения описания применяются в одном случае использования только к одному предмету, но к разным предметам в разных случаях. Гудмен⁴ писал, что подобные выражения используются, чтобы делать однозначными утверждения, истинность которых, тем не менее, может меняться. Каждое их произнесение, «метка», представляет собой слово и указывает на определенного человека, время или место, но именуется то, что не именуется репликой слова. Их денотат соотносится с говорящим. Их использование зависит от отношения высказывающегося к объекту, с которым связано слово. В темпоральном индексичном выражении время релевантно тому, что это выражение именуется. Соответственно, то, какой регион именуется пространственное индексичное выражение, зависит от локализации его произнесения. Индексичные выражения и содержащие их утверждения не могут свободно повторяться; в наличном дискурсе не все их реплики представляют собой также их переводы. Этот список можно продолжать до бесконечности.

Изучающие практические социологические рассуждения, — любители и профессионалы — практически единодушны в своем мнении относительно свойств индексичных выражений и индексичных действий. Существует также впечатляющее согласие по поводу того, 1) что хотя индексичные выражения «сулят огромные выгоды», они «неудобны для формального дискурса»; 2) что различие объективных выражений и индексичных выражений не только процедурно оправдано, но и неизбежно для любого занимающегося наукой; 3) что без различия объективных и индексичных выражений и без предпочтительного употребления объективных выражений победы обобщающих, строгих, наукосообразных дисциплин — логики, математики, некоторых физических наук — были бы немислимы, эти победы бы не удались, а неточные науки должны были бы оставить свои надежды; 4) что точные науки отличаются от неточных наук тем, что в случае точных наук различие и замена индексичных выражений объективными являются актуальной задачей и

² См.: Marvin Farber, *The Foundation of Phenomenology* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1943), pp. 237-238.

³ Bertrand Russel, *Inquiry into Meaning and Truth* (New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1940), pp. 287-298.

⁴ Nelson Goodman, *The Structure of Appearance* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1951), pp. 287-298.

фактическим достижением формулирования проблем, методов, результатов, адекватной демонстрации, адекватных доказательств и др., тогда как в случае неточных наук доступность различения и заменимости для актуальных задач, практик и результатов остается нереализуемо программной; 5) что различение объективных и индексичных выражений, в той мере, в какой как различение оно касается задач, идеалов, норм, ресурсов, достижений и пр. исследователей, оно описывает различение между науками и искусствами, например, между биохимией и документальным кино; 6) что термины и суждения можно различать на те или другие в соответствии с процедурой оценки, которая позволяет выяснить, какого рода эти выражения — объективные или индексичные; и 7) что в любом конкретном случае только практические трудности мешают произвести замену индексичного выражения на объективное выражение.

Свойства индексичных выражений побуждают к бесконечным методологическим изысканиям, направленным на их исправление. Попытки избавить научную деятельность от столь неудобных объектов придают каждой науке присущий ей характер заинтересованности и эффективности в области методологических проблем. Изучение практической научной деятельности теми, кто практикует исследования, предоставляет им, какова бы ни была их собственная наука, бесконечные возможности строгого подхода к индексичным выражениям.

Области социальных наук, где встречаются обещанное различение и обещанная заменимость, бесчисленны. Обещанное различение и заменимость поддерживаются благодаря необъятным ресурсам, и сами их поддерживают, обеспечивая разработку методов всестороннего анализа практических действий и практических рассуждений. Перспективные применения и выгоды колоссальны.

Однако *везде, где практические действия составляют предмет изучения*, обещанное различение и заменимость индексичных выражений объективными остаются программными в любом конкретном случае и в любой наличной ситуации, где должны быть продемонстрированы различение или заменимость. В каждом конкретном случае, без исключения, будут упоминаться условия, которые компетентный исследователь должен будет опознавать, такие, что в *данном* конкретном случае требования демонстрации могут быть ослаблены, но, тем не менее, демонстрация принималась как адекватная.

Благодаря логикам и лингвистам, которые практически единогласны в данном вопросе, мы знаем, каковы некоторые из этих условий. Для «длинных» текстов или «длинных» цепочек действия, для таких событий, когда действия членов являются характеристиками событий, осуществляемых их действиями, или везде, где метки не употребляются или неуместны в функции заместителей индексичных выражений, требуемые программой демонстрации выполняются путем практического социального управления.

В таких условиях индексичные выражения, в силу их распространенности и других особенностей, создают невероятно стойкие и непреодолимые препятствия на пути решения задач строгого обращения с феноменами структуры и релевантности в рамках теорий доказательства состоятельности и исчисляемости и при попытках выявления актуального, а не предполагаемого обыденного поведения и обыденной речи с полным набором структурных деталей. На основании своего опыта выборочных исследований, а также разработки и применения инструментов измерения практических действий, статистического анализа, математических моделей и компьютерных симуляций социальных процессов, профессиональные социологи способны до бесконечности документировать способы, которыми требование программных различения и заменимости выполняется профессиональными действиями по социально управляемой демонстрации и зависит от них.

Одним словом, *везде, где предпринимаются исследования практических действий*, различение и заменимость всегда осуществляются *исключительно* для всех практических целей. Поэтому рекомендуется, чтобы первым проблемным феноменом была рефлексивность

действий и достижений наук в области организованной повседневной деятельности, представляющая собой сущностную рефлексивность.

«Неинтересная» сущностная рефлексивность объяснений

Интересы членов, занимающихся практическими социологическими рассуждениями — как мы увидим из дальнейших исследований, это касается и штатных сотрудников Лос-анжелесского Центра предотвращения самоубийств, и штатных пользователей учетных папок психиатрической клиники при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, и студентов-выпускников, кодирующих психиатрические записи, и присяжных, и страдающего гермафродитизмом человека, проходящего через операцию по изменению пола, и профессиональных исследователей-социологов, — сосредотачиваются на том, что разрешимо «для практических целей», «в свете данной ситуации», «с учетом актуальных обстоятельств» и т. п. Для них практические обстоятельства и практические действия отсылают ко многим организационно важным и серьезным вещам: ресурсам, целям, поблажкам, шансам, задачам и, конечно же, основаниям подтверждения или предсказания адекватности процедур и выявляемых ими данных. Одна вещь, однако, исключается из области их интересов: сами практические действия и практические обстоятельства не являются *одной из* тем — не говоря уже единственной темой — их исследований; их исследования не ставят задач социологического теоретизирования, предпринятого с целью формулировки того, что представляют собой эти задачи в качестве практических действий. Изучение практических действий никогда не предпринимается для того, чтобы дать сотрудникам возможность опознать и описать то, чем они прежде всего занимаются. Меньше всего практические действия изучаются для того, чтобы объяснить практикующим их собственные высказывания по поводу того, что они делают. Например, сотрудники Лос-анжелесского Центра предотвращения самоубийств считали совершенно неприемлемым всерьез полагать, что они действительно настолько глубоко вовлечены в работу по сертификации способа смерти, избранного самоубийцей, и что они могли бы согласовывать свои усилия, добываясь однозначного опознания «того, что произошло на самом деле».

Говорить, что они «не заинтересованы» в изучении практических действий, не означает ни жаловаться, ни указывать на упускаемую ими возможность, ни разоблачать ошибку, ни иронизировать. Не означает это и то, что если члены «не заинтересованы», то для них «закрывается» социологическое теоретизирование. Их исследования не закрывают возможность применения правила сомнения, для них не закрыта перспектива превращения организованных повседневных действий в научные проблемы, данное суждение не внушает мысль о разделении «базовых» и «прикладных» интересов в исследовании и теоретизировании.

В каком смысле тогда можно говорить, что они «не заинтересованы» в изучении практических действий и практических социологических рассуждений? И в чем важность подобного утверждения?

Объяснения членов имеют одну черту, которая обладает для них настолько исключительной и всепоглощающей релевантностью, что управляет всеми остальными характеристиками их специфического характера как опознаваемыми, рациональными чертами практических социологических исследований. Эта черта такова. Учитывая проблемный характер практических действий и практическую адекватность их исследований, члены считают само собой разумеющимся, что любой член должен сначала «узнать» обстановку, в которой ему придется действовать, чтобы его действия служили средствами нахождения признаваемого объяснения конкретных, локальных характеристик этой обстановки. Они считают совершенно малозначительным тот факт, что любого рода объяснения членов, во всех их логических модусах, при всех способах их использования и при любом методе их подбора, являются составными характеристиками обстановки, которую

они делают наблюдаемой. Члены познают, требуют, учитывают и применяют эту рефлексивность для производства, осуществления, опознания или демонстрации рациональной-адекватности-для-всех-практических-целей своих процедур и данных.

Члены — присяжные и другие — не только считают эту рефлексивность само собой разумеющейся, но и опознают, демонстрируют и делают наблюдаемым друг для друга рациональный характер своих актуальных — а значит окказиональных — действий, относясь к этой рефлексивности как к неизменному и неизбежному условию своих исследований.

Когда я заявляю, что члены «не заинтересованы» в изучении практических действий, я не имею в виду, что они не будут, будут мало или будут много заниматься этим. То, что они «не заинтересованы», относится к обоснованным действиям, к правдоподобному аргументированию и к разумным заключениям. Это связано с рассмотрением «объяснимого-для-всех-практических-целей» как поддающегося обнаружению, исключительно, единственно и целиком. Для членов быть «заинтересованным» значило бы делать наблюдаемым «рефлексивный» характер своих практических действий и изучать искусные действия рационального исследования как организационные феномены без всякой мысли о корректировках или иронии. Члены Лос-анжелесского Центра предотвращения самоубийств ведут себя как члены всякий раз, когда они вовлечены в практические социологические исследования; даже если они захотят, они *не смогут* избежать этого.

Возможность анализировать действия-в-контексте как практическое осуществление

Исследования членов бесконечным числом способов представляют собой составные части анализируемой ими обстановки. Этими же самыми способами их исследования делаются опознаваемыми для членов как адекватные-для-всех-практических-целей. Например, в Лос-анжелесском Центре предотвращения самоубийств то, что смертельные случаи делаются объяснимыми-для-всех-практических-целей, является практическим организационным осуществлением. В организационном плане Центр предотвращения самоубийств состоит из практических процедур осуществления рациональной объяснимости суицидальных смертей как опознаваемых черт обстановки, в которой эта объяснимость встречается.

В актуальных случаях взаимодействия такое осуществление является для членов повсеместным, непроблематичным и привычным. Для членов, занимающихся социологией, делать это осуществление темой практического социологического исследования неизбежно означает рассматривать рациональные свойства практических действий как «антропологически странные». Этим я хочу обратить внимание на «рефлексивные» действия вроде таких: что при помощи своих объяснительных действий член делает знакомые, обыденные действия в повседневной жизни опознаваемыми *как* знакомые, обыденные действия; что в каждом случае использования объяснения обычных действий эти действия опознаются «снова в первый раз»; что член рассматривает процессы и достижения «воображения» как связанные с *другими* наблюдаемыми чертами обстановки, в которой они встречаются; и что член действует таким образом, что одновременно с тем, как он опознает «изнутри» свидетельствуемой актуальной обстановки то, что эта свидетельствуемая обстановка обладает *осуществляемым* смыслом, осуществляемой фактичностью, осуществляемой объективностью, осуществляемой привычностью, осуществляемой объяснимостью, для него организационные «как» этих осуществлений непроблематичны и смутно понятны, причем понятны только в том случае, если то, что делается, делается умело, уверенно, единообразно, в значительной мере стандартизировано и как нечто необъяснимое.

Подобное осуществление заключается в построении, опознании и применении членами различных этнографий. Такое осуществление неизвестными способами является для

членов рядовым явлением. Именно теми неизвестными способами, которыми данное осуществление является рядовым, оно интересует нас как внушающий благоговение феномен, поскольку благодаря этим неизвестным способам, оно состоит в том, что 1) члены используют согласованные повседневные действия как методы опознания и демонстрации обособляемого, типичного, единообразного, потенциального повторения, связного проявления, последовательности, эквивалентности, заменимости, направленности, анонимно описуемого, планомерного, одним словом, рациональных свойств индексичных выражений и индексичных действий. 2) Этот феномен заключается так же в анализируемости действий-в-контексте с учетом того, что не только не существует никакого понятия контекста-вообще, но и что любое употребление термина «контекст» без исключения является индексичным по сути.

Опознаваемо рациональные свойства их обыденных исследований — их опознаваемо непротиворечивый, или методичный, или единообразный, или планомерный и т. д. характер — являются *каким-то образом* приобретениями согласованных действий членов. Для сотрудников Центра предотвращения самоубийств, для кодировщиков, для присяжных рациональные свойства их практических исследований *каким-то образом* заключаются в согласованной работе, которая делает очевидным — на основе обрывочных сведений, устойчивых выражений, мимолетных замечаний, слухов, частичных описаний, «кодифицированных», но сущностно неопределенных каталогов опыта и т. п. — то, как человек умер в обществе, или по каким критериям происходил отбор пациентов для психиатрического обследования, или какой из альтернативных вердиктов был правильным. Это «*каким-то образом*» и есть центральное проблемное звено.

Что такое этнометодология?

Отличительным признаком практических социологических рассуждений, где бы они не встречались, является то, что они призваны исправлять индексные свойства речи и поведения членов. Бесконечные методологические изыскания направлены на решение задачи обеспечения членов в их неустанных попытках средствами исправления индексичных выражений, при строгом использовании идеалов для демонстрации наблюдаемости организованных действий в конкретных случаях со всеми ситуативными деталями речи и поведения.

Свойства индексичных выражений и индексичных действий представляют собой упорядоченные свойства. Они заключаются в организации демонстрируемого смысла, или фактичности, или методичного употребления, или соглашения между «коллегами по культуре». Их упорядоченные свойства заключаются в организации демонстрируемых рациональных свойств индексичных выражений и индексичных действий. Эти упорядоченные свойства являются продолжающимися достижениями согласованных обыденных действий исследователей. Демонстрируемая рациональность индексичных выражений и индексных действий сохраняет в ходе ее управляемого производства членами характер обыкновенных, знакомых, ставших рутинной практических обстоятельств. Как процесс и достижение, производимая рациональность индексичных выражений заключается в практических задачах, подчиненных нуждам организационно протекающего поведения.

Я использую термин «этнометодология» для указания на изучение рациональных свойств индексичных выражений и других практических действий как контингентных, текущих осуществлений организованных искусных повседневных действий. Работы, входящие в данную книгу, трактуют это осуществление в качестве предмета исследования. Они направлены на конкретизацию его проблемных черт, на рекомендацию методов его изучения, но прежде всего — на выяснение того, что определенного можно узнать о нем. В оставшейся части данной главы я попытаюсь охарактеризовать этнометодологию,

представив три исследования, посвященных работе этого осуществления, и изложив в заключение исследовательские стратегии.

Практические социологические рассуждения: производство объяснений в «повседневных ситуациях выбора»

В 1957 году Лос-анжелесский Центр предотвращения самоубийств (ЦПС) и Лос-анжелесская Служба судебно-медицинских экспертов объединили усилия, чтобы придать свидетельству о смерти, выдаваемому судебно-медицинским экспертом, гарантию научного авторитета «в границах практической определенности, к которой обязывает нынешний уровень знаний». Отдельные случаи «внезапной, неестественной смерти», пограничные между «суицидом» и другими видами умирания, стали направляться судебно-медицинским экспертом в ЦПС для проведения так называемой «психологической аутопсии»⁵.

Действия сотрудников ЦПС, сопровождавшие осуществление их исследований в повседневных ситуациях выбора, повторяли черты практических исследований, встречавшиеся в других ситуациях: при вынесении решений присяжными в случаях халатности, при отборе сотрудниками психиатрической клиники пациентов для амбулаторного обследования, при кодировании выпускниками-социологами содержимого учетных клинических папок в кодировочных таблицах путем следования детальным инструкциям по кодированию и в бесчисленных профессиональных процедурах проведения антропологического, лингвистического, социально-психиатрического и социологического исследования. Следующие черты работы в ЦПС опознавались и открыто признавались персоналом в качестве главных условий их работы, а также как то, что следует учитывать при оценке эффективности, продуктивности или осмысленности их работы, чем добавляли свидетельства сотрудников ЦПС к свидетельствам присяжных, научно-исследовательских работников и остальных:

1) Неустанная забота всех сторон о темпоральном согласовании действий; 2) забота о практическом вопросе *par excellence*: «Что делать теперь?»; 3) забота со стороны исследователя о подтверждении своего понимания «Того, Что Известно Каждому» о работе обстановки, в которой он должен был осуществлять свои исследования, а также его забота о том, чтобы делать это в конкретных случаях, когда решения должны приниматься путем его выставляемого напоказ поведения в процессе выбора; 4) то, о чем на уровне речи можно было бы говорить как о «программах производства», «законах поведения», «правилах рационального принятия решений», «причинах», «условиях», «проверке гипотез», «моделях», «правилах индуктивного и дедуктивного вывода», в конкретной ситуации считалось само собой разумеющимся и зависело от того, заключается ли оно в рецептах, устойчивых выражениях, лозунгах и частично сформулированных планах действия; 5) от исследователей требовались знание и умение обращаться с «такого рода» ситуациями, которые подразумевали применение «правил рационального принятия решений» и пр., чтобы «видеть» — или при помощи которых они должны были обеспечить — объективный, эффективный, последовательный, полностью эмпирически адекватный, т. е. рациональный,

⁵ Сведения о процедуре «психологической аутопсии», разработанной в Лос-анжелесском Центре предотвращения самоубийств, можно почерпнуть из следующих источников: Theodore J. Curphey, “The Forensic Pathologist and the Multi-Disciplinary Approach to Death”, in *Essays in Self-Destruction*, ed. by Edwin S. Shneidman (International Science Press, 1967), in press; Theodore J. Curphey, “The Role of the Social Scientist in the Medico-Legal Certification of Death from Suicide”, in *The Cry for Help*, ed. Norman L. Farberow and Edwin S. Shneidman (New York: McGraw-Hill Book Company, 1961); Edwin S. Shneidman and Norman L. Farberow, “Sample Investigation of Equivocal Suicide Deaths”, in *The Cry for Help*; Robert E. Litman, Theodore J. Curphey, Edwin S. Shneidman, Norman L. Farberow and Norman D. Tabachnick, “Investigations of Equivocal Suicides”, *Journal of the American Medical Association*, 184 (1963), 924-929; Edwin S. Shneidman, “Orientations Toward Death: A Vital Aspect of the Study of Lives”, in *The Study of Lives*, ed. Robert W. White (New York: Atherton Press, 1963), перепечатано в *International Journal of Psychiatry*, 2 (1966), 167-200.

характер рецептов, пророчеств, устойчивых выражений, частичных описаний в конкретном случае использования правил; 6) для принимающего практические решения «конкретный случай» как самостоятельный феномен обнаруживал всепоглощающий приоритет релевантности, которому должны были подчиняться все без исключения «правила вынесения решений» или теории принятия решений, чтобы можно было оценить их рациональные свойства, а не наоборот; 7) наконец, — и, быть может, что наиболее характерно — все вышеперечисленные черты, наравне с имеющейся у исследователя «системой» альтернатив, его методами «вынесения решений», его информацией, его предпочтениями и рациональностью его объяснений и действий, были составными частями тех же самых практических обстоятельств, в которых исследователи совершали работу исследования, — черта, которую исследователи обязаны были знать, требовать, вычислять, считать само собой разумеющейся, использовать и глоссировать для заявления и опознания практичности их усилий.

Работа проведения членами ЦПС своих исследований была неотъемлемой частью их ежедневной работы. Опознаваемые членами персонала в качестве составных черт ежедневной работы, их исследования были, тем самым, тесно связаны с рамками профессиональных занятий, с различными внутренними и внешними звеньями репортажа, контроля и пересмотра и с другими близкими организационно расставленными «приоритетами релевантностей» при оценках того, что «реалистически», «практически» или «обоснованно» должно быть сделано и может быть сделано, как быстро, с привлечением каких ресурсов, для кого предназначенное, о чем говорящее, сколько времени занимающее и т. д. Подобные соображения придавали тому, что «Мы сделали все, что могли, и соблюли все обоснованные интересы», черты организационно приемлемого смысла, факта, беспристрастности, авторской анонимности, целенаправленности, воспроизводимости, т. е. *подлинно и различимо* рационального объяснения исследования.

От членов требовалось служебное умение формулировать объяснения того, как смерть *на-самом-деле-случилась-для-всех-практических-целей*. Выражение «на самом деле» неизбежно отсылало к повседневным, обыденным, служебным рабочим операциям. Только члены имели право обращаться к этим рабочим операциям как к приемлемым основаниям для рекомендации обоснованного характера результата *без необходимости предоставления разъяснений*. В случае сомнения обыденные служебные рабочие операции должны были бы упоминаться эксплицитно, в «релевантной части». В противном случае продукт лишался этих черт. Для членов оправдание того, как проводилось исследование, превращалось в оправдание того, как-оно-проводилось-на-самом-деле в соответствии с обычными требованиями, обычными приобретениями, обычными практиками *и* обычной речью, посредством высказываний сотрудников ЦПС как добропорядочных профессиональных практиков об обычных требованиях, обычных приобретениях и обычных практиках.

Каждому случаю необходимо было приписать одно из нескольких названий (относящихся к способу смерти). Эта совокупность состояла из законно допустимых комбинаций четырех исходных вариантов — естественной смерти, несчастного случая, самоубийства и убийства⁶. Все названия применялись так, чтобы не только справляться с различными формами неопределенности, двусмысленности и импровизации, возникающими в каждом конкретном случае их использования; названия применялись так, чтобы *способствовать* двусмысленности, неопределенности и импровизации. Частью работы было не *только* то, что неопределенность составляет проблему — *вероятно*, составляет проблему; — функционеров направляли на эти обстоятельства, чтобы *способствовать*

⁶ Возможные комбинации включают: естественная смерть, несчастный случай, самоубийство, убийство, возможный несчастный случай, возможное самоубийство, возможная естественная смерть, несчастный случай или самоубийство (неопределимо), естественная смерть или самоубийство (неопределимо), естественная смерть или несчастный случай (неопределимо) и естественная смерть, несчастный случай или самоубийство (неопределимо).

двусмысленности или неопределенности, способствовать импровизации, способствовать темпоризации и др. Не исследователь проводил исследование, имея список названий и поэтапно устанавливая основания для выбора одного из них. Формулировка не заключалась в том, что «мы закончили, и среди названий, составляющих цель нашего исследования, *данное* название в конечном итоге лучше всего отражает то, что мы установили». Напротив, названия все время переименовывались и предсказывались. Исследование имело свойство в значительной степени направляться тем, что исследователь использовал воображаемые обстоятельства, в которых название будет «применено» той или иной заинтересованной стороной, включая и скончавшегося, что необходимо было исследователям для выяснения на основе любых «данных», которые они способны были бы отыскать, того, можно ли использовать *эти* «данные» для прикрытия, если бы потребовалось прикрываться, или для словесных уловок, или пояснений, или убеждения, или иллюстрации, если бы они потребовались. Преобладающей чертой любого исследования было то, что ничто в нем не оставалось гарантированным, за исключением организованных случаев его использования. Тем самым, обыденное исследование представляло собой использование исследователем конкретных обстоятельств при осуществлении и зависело от конкретных обстоятельств при опознании и рекомендации практической адекватности его работы. С позиции члена, то есть рассмотренное в отношении актуальных практик, позволяющих ему свершиться, рутинное исследование не является исследованием, осуществляемым при помощи правила или согласно правилам. Скорее, оно представляет собой исследование, которое открыто опознается как потерпевшее неудачу, но то, что оно терпит неудачу, позволяет признавать его адекватность и не давать никому и не требовать ни от кого объяснений.

Из того, что члены *делают* в ходе своих исследований, всегда кто-нибудь сделает свое дело еще, в том смысле, что конкретные, организационно локализованные, локализуемые люди становятся интересными для объяснений членом ЦПС, действительно ли то, о чем будет сообщено, «произошло на самом деле». Подобные соображения заметно благоприятствовали той воспринимаемой черте исследований, что их ход направлялся объяснением, которое будет претендовать на истинность для всех практических целей. Таким образом, во время исследования задача исследователя состояла в объяснении того, как конкретный человек умер в обществе, что адекватно рассказывается, достаточно подробно детализируется, проясняется и т. д. для всех практических целей.

Выражение «то, что произошло на самом деле», в процессе приближения к нему, а также после того как выражение «то, что произошло на самом деле» было подшито к делу и ему было подобрано название, может постоянно пересматриваться и постоянно предсказываться в свете того, как можно было бы поступить, или того, как поступят с этими названиями. Вряд ли будет новостью, что на пути к решению то, какое решение будет принято, пересматривалось и предсказывалось в свете предвосхищаемых последствий решения. Но и *после* того, как была дана рекомендация и судебно-медицинский эксперт подписал свидетельство о смерти, результат все еще может быть, как они говорят, «перепроверен». По-прежнему можно вынести решение, которое нужно «еще раз» пересмотреть.

Исследователям очень хотелось быть способными гарантировать, что они могут в конечном итоге предстать с объяснением того, как человек умер, что позволило бы судебно-медицинскому эксперту и его помощникам отвергнуть предположение о том, что это объяснение неполно или что смерть произошла иначе — отличающимся или противоположным образом, — нежели «заявили» члены объединения. Никогда ссылка не делается целиком и полностью на жалобы выживших. К данным вопросам подходят как к последовательности эпизодов, большинство из которых находят свое место удивительно быстро. Появление большого числа случайных обстоятельств было устойчивым процессом, основывающимся на том факте, что служба судебно-медицинских экспертов — это политическая служба. Деятельность службы судебно-медицинских экспертов

сопровождается постоянной записью их работы. Эти записи подвергаются разбору как результаты научной работы судебно-медицинского эксперта, его сотрудников и его консультанта. Действия службы являются методами исполнения отчетов, которые научны-для-всех-практических-целей. Это предполагает «написание», как гарантирующую процедуру, в результате которой отчет, в силу того, что он написан, подшивается к делу. То, что исследователь «делает» отчет, составляет, тем самым, предмет публичной записи для использования лишь частично идентифицируемыми другими людьми. Их интерес к тому, почему, или как, или что исследователь делал, затрагивал бы в некоторой релевантной части его навыки и полномочия профессионала. Но исследователи также знают, что другие интересы потребуют «пересмотра», поскольку работа исследователя будет проверяться в отношении ее научной-адекватности-для-всех-практических-целей как социально управляемой претензии профессионалов. Не только для исследователей, но и для всех сторон существует релевантность вопроса: «Что было на самом деле обнаружено для-всех-практических-целей?», неизбежно заключающаяся в том, сколько вы можете выявить, сколько вы можете открыть, сколько вы можете толковать, сколько вы можете избежать, сколько вы можете скрыть как не касающееся никого из значимых людей, включая *исследователей*, дело. Все эти вопросы приобретали интерес в силу того, что исследователи сочиняли — в качестве своего служебного долга — письменные отчеты о том, как для-всех-практических-целей люди-на-самом-деле-умерли-и-на-самом-деле-являются-мертвыми-в-обществе.

Решения имели неминуемое продолжение. В частности, исследователи должны были *открыто* спрашивать: «Что произошло на самом деле?» Названия были важными словами, которые приписывались тексту для последующего восстановления этого текста как «эксplikации» названия. Но никому никогда не нужно говорить с какой бы то ни было определенностью, что представляет собой приписываемое название как «эксplikируемое» название, даже когда оно предлагается «открыто». Фактически *то*, что оно предлагается «открыто», например, *то*, что написанный текст был подшит к «делу по данному случаю», предоставляет разрешающие основания, которые могут привлекаться, чтобы произнести нечто «открытое», что будет использовано как объяснение смерти. В аспекте образцов использования, названия и сопровождающие их тексты имеют открытый ряд продолжений. В каждом случае использования текстов всегда может оставаться возможность уточнения того, что можно сделать с ними, или к чему они приведут, или что остается сделать «временно», пока вокруг решения не создастся среда для «пересмотра случая», или «обжалования», или «прояснения проблемы» и т. д. Те способы, которыми она может создаваться, являются для ЦПС очевидными как образцы, но как конкретные процессы их исполнения они в каждом конкретном случае неопределенны.

Исследования в ЦПС начинаются со смерти, *способ* которой судебно-медицинский эксперт находит неоднозначным. Эта смерть используется как прецедент для выяснения и прочитывания «в остатках» различных способов жизни в обществе, которые могли бы закончиться этой смертью, в различного рода предметах, например, теле и следах на нем, медицинских пузырьках, записках, обрывках одежды и иных принадлежностях — предметах, которые можно сфотографировать, собрать и упаковать. Собираются и другие «остатки»: слухи, мимолетные фразы, истории — материалы из «списков» тех, с кем можно было бы проконсультироваться посредством обычного разговора. *Все* эти обрывки, которые история, или правило, или устойчивое выражение могут сделать осмысленными, используются для формулирования опознаваемо последовательного, стандартного, типичного, убедительного, единообразного, планомерного, т. е. профессионально отстаиваемого и, тем самым, для членов, *опознаваемо* рационального объяснения того, как общество произвело эти остатки. В этом моменте будет легче разобраться, если читатель обратится к любому стандартному учебнику по судебной патологии. В нем он обнаружит неизменную фотографию жертвы с перерезанным горлом. Там, где судебно-медицинский

эксперт должен использовать данное «зрелище» для рекомендации неоднозначности способа смерти, он мог бы сказать нечто вроде: «В случае, если тело выглядит как на картинке, вы видите суицидальную смерть, потому что крупную рану окружают мелкие „скользящие порезы“. Можно представить, что эти порезы остались после того, как жертва сделала сначала несколько нерешительных попыток и потом произвела смертельное движение. Можно представить и другие варианты действия, поэтому порезы, кажущиеся скользящими, могут быть вызваны другими механизмами. Нужно начинать с конкретного внешнего вида и представить, каким образом можно было бы организовать различные последовательности действий, чтобы *данная* картинка была совместима с ним. Можно было бы подумать о фотографировании внешнего вида как фазе-действия. Существует ли при некотором конкретном внешнем виде та последовательность действий, с которой эта фаза единственно совместима? *Таков* вопрос судебно-медицинского эксперта».

Судебно-медицинский эксперт (и любой сотрудник ЦПС) задает этот вопрос в отношении каждого *конкретного* случая, поэтому его работа по достижению практической решаемости почти неизбежно демонстрирует следующую преимущественную и важную характеристику. Сотрудники ЦПС должны осуществлять данную решаемость в отношении всего «этого»: они должны начинать с *этого* многого, *этого* зрелища, *этого* замечания, *этого* набора имеющихся под рукой материалов. И *что бы ни имелось*, его вполне достаточно в том смысле, что *что бы ни имелось*, этого не только *хватит*, этого *хватает*. Что бы ни имелось, этим обходятся. Говоря «обходятся», я не имею в виду, что исследователь из ЦПС слишком легко удовлетворяется или что он не ищет большего тогда, когда это от него требуется. Напротив, я имею в виду: *что бы ни имелось*, это и есть то, с чем он должен иметь дело, это *то*, что будет использовано с целью обнаружить, сделать определенным способ, которым общество произвело *эту* картину, пришло к *этой* сцене как к своему конечному результату. Таким образом, остатки на мостовой служат не только прецедентом, но и целью исследований ЦПС. Все, с чем сталкиваются члены ЦПС, должно служить прецедентом, благодаря которому чтение остатков позволяет увидеть, как могло бы действовать общество, чтобы произвести то, что исследователь имеет «в конце», «по завершении анализа» и «во *всяком* случае». То, к чему может прийти исследование – это то, к чему пришел случай смерти.

Практические социологические рассуждения: следование инструкциям по кодированию

Несколько лет назад мои коллеги и я предприняли анализ опыта амбулаторной клиники при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе с целью ответа на вопрос: «На основе каких критериев отбираются кандидаты для наблюдения?» Чтобы сформулировать этот вопрос и дать ответ на него, мы использовали одну из версий метода когортного анализа, примененную Крамером и его коллегами⁷ для описания характеристик потока пациентов психиатрических больниц. (В главах 6 и 7 рассказывается о других аспектах этого исследования.) Последовательное разворачивание «первого контакта», «приемного интервью», «психологического тестирования», «приемного собеседования», «наблюдения» и «выписки» рассматривалось при помощи диаграммы-древа, изображенной на рис. 1. Любой путь от первого контакта до выписки назывался «карьерой».

⁷ M. Kramer, H. Goldstein, R. H. Israel, and N. A. Johnson, "Applications of Life Table Methodology to the Study of Mental Hospital Populations", *Psychiatric Research Reports of the American Psychiatric Association*, June, 1956, pp. 49-76.

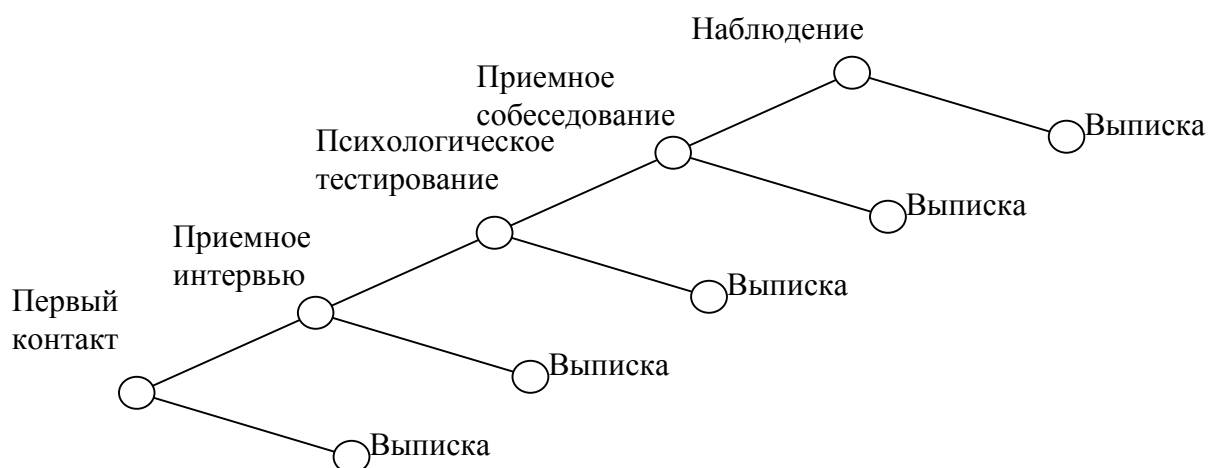


Рис. 1. Карьерные пути пациентов психиатрической клиники.

Мы хотели выяснить, какие характеристики пациентов, персонала клиники, их взаимодействий и древа связаны с какими определенными карьерами. Нашими источниками информации стали клинические записи, наиболее важными среди которых были бланки поступлений и содержимое учетных папок. С целью получения постоянной записи случаев взаимодействия пациента и клиники, начиная с первичного контакта пациента и заканчивая его выпиской, был разработан и вложен в учетные папки «Бланк клинической карьеры». Поскольку клинические папки содержат записи, в которых персонал клиники сообщает о своей деятельности, почти все эти источники данных были результатами процедур самоотчета.

Два выпускника-социолога из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе обследовали 1.582 учетных клинических папки в поисках информации для заполнения пунктов «Кодировочной таблицы». Для определения степени согласия между кодировщиками и между их последовательными попытками кодирования была разработана и применена процедура достижения конвенциональной надежности. В соответствии с конвенциональным принципом степень согласия выступает одним из ряда оснований для наделения закодированных событий достоверностью в качестве конкретных клинических событий. Ключевой характеристикой оценок конвенциональной надежности является то, что согласие между кодировщиками состоит в согласии относительно конечных результатов.

Предварительная работа вполне ожидаемо показала, что при осуществлении кодирования кодировщики исходили из знания того организованного уклада клиники, описание которого их кодировочные процедуры призваны были производить. Но что интереснее, такого рода предполагаемое знание непременно требовалось и к нему обращались наиболее часто всегда, когда, в силу каких-либо причин, кодировщикам необходимо было быть уверенными в том, что они закодировали «то, что произошло на самом деле». *Это было так вне зависимости от того, сталкивались они или нет с «двусмысленностью» содержимого учетной папки.* Подобная процедура подрывала любое суждение о том, что для обследования содержимого учетных папок использовались регистрационные методы, не важно, насколько внешне четкими были инструкции по кодированию. Согласие относительно результатов кодирования достигалось при помощи иной процедуры, имевшей неизвестные характеристики.

Чтобы выяснить, какую процедуру использовали наши студенты, процедура достижения надежности была рассмотрена в качестве самостоятельной проблемной деятельности. Отправной точкой подхода к «надежности» закодированных результатов стал вопрос о том, каким образом кодировщики реально помещали содержимое учетных папок под определенный пункт «Кодировочной таблицы». Посредством каких действий

конкретному содержимому учетных папок приписывался статус ответов на вопросы исследователя? Из каких конкретных действий состояли действия кодировщиков, называемые «следование инструкциям по кодированию»?

Была разработана процедура, которая предоставляла информацию о конвенциональной надежности, позволяя при этом соблюсти первоначальные интересы исследования. В то же время данная процедура давала возможность изучить, каким образом та или иная степень согласия или несогласия достигалась посредством конкретных приемов, известных двум кодировщикам, рассматривавшим содержимое учетных папок в качестве ответов на вопросы, поставленные «Кодировочной таблицей». Но вместо предположения о том, что кодировщики, действуя так, как они действовали, могли в большей или меньшей степени ошибаться, выдвигалось предположение о том, что *как бы* они не вели себя, их действия можно считать правильной процедурой в рамках *какой-то* кодировочной «игры». Вопрос состоял в том, что это была за «игра». То, *каким образом* кодировщики играли в нее, было существенно для производства того, что они получали. Как они играли в нее, чтобы получать то, что они получали?

Вскоре мы обнаружили, что на работу кодировщиков (просмотр содержимого учетных папок в поисках ответов на свои вопросы) существенным образом влияют такие соображения, как «и так далее», «пока что-то не изменится», «не стоит на этом останавливаться» и «сойдет» (*factum valet*, когда действие, запрещенное правилом, считается корректным, коль скоро оно совершено). Для удобства я назову эти соображения соображениями «*ad hoc*», а их практику — «*ad hoc-ing*». Кодировщики использовали эти же соображения *ad hoc* при опознании релевантности инструкций по кодированию для организованной деятельности клиники. Только когда эта релевантность была явной, кодировщики были удовлетворены тем, что инструкции по кодированию анализируют конкретное содержимое учетных папок, позволяя кодировщикам рассматривать его как сообщаемое о «действительных событиях». Наконец, соображения *ad hoc* были инвариантными характеристикам действий «следования инструкциям по кодированию». Попытки подавить их, поддерживая однозначный смысл инструкций, вызывали замешательство со стороны кодировщиков.

После этого были очерчены различные грани «нового» исследования надежности, сначала для того, чтобы выяснить, можно ли наверняка добиться этих результатов, а после того, как стало ясным, к моему удовлетворению, что можно, — чтобы проследить их следствия для общего социологического характера использованных кодировщиками методов обследования (и сопоставимых методов), а также для работы, лежащей в основе опознания или заявления того, что нечто было сделано по правилу — что действие следовало или «подчинялось» инструкциям.

Соображения *ad hoc* выступали неизменно релевантными соображениями при выявлении соответствия между тем, что можно было прочесть в клинических папках, и тем, что кодировщик помещал в кодировочную таблицу. Вне зависимости от того, насколько четко и тщательно были прописаны инструкции, и несмотря на то, что для каждого пункта *можно* было сформулировать узкие регистрационные правила кодирования⁸ и при их помощи содержимое папок *могло* быть занесено в кодировочную таблицу, в той мере, в какой необходимо было защищать претензию на то, что размещенное в «Кодировочной таблице» сообщало о реальных событиях деятельности клиники, в каждом случае — и по каждому пункту — «и так далее», «пока что-то не изменится», «не стоит на этом останавливаться» и «сойдет» сопровождали толкование кодировщиком инструкций по кодированию как способов анализа конкретного содержимого папок. Их использование так

⁸ Для определения значения «узко актуарного метода обследования» была избрана модель игры в согласование информации Дэвида Харри. См. David Harrah, "A Logic of Questions and Answers", *Philosophy of Science*, 28, No. 1 (January, 1961), 40-46.

же позволяло кодировщику прочитывать содержимое папок как отчет о событиях, которые «Кодировочная таблица» предусматривала и формулировала как события перемещения по дереву.

Обычно исследователи считают подобные процедуры *ad hoc* дефектными способами написания, опознания или выполнения инструкций по кодированию. Господствующая точка зрения гласит, что хорошая работа требует от исследователей минимизации или даже элиминации — путем увеличения числа и эксплицитности правил их кодирования — случаев, в которых могли бы использоваться «и так далее» и другие схожие практики *ad hoc-ing*.

Рассматривать инструкции так, как если бы присущие их применению черты *ad hoc* были нарушением, или рассматривать наличие этих черт как основание для жалоб на неполноту инструкций, — это почти то же самое, как жаловаться, что если бы убрать стены здания, было бы лучше видно, на чем держится крыша. Наши исследования показали, что соображения *ad hoc* являются сущностными чертами процедур кодирования. *Ad hoc-ing* необходимо, чтобы исследователь схватил релевантность инструкций для конкретной ситуации, которую они предположительно анализируют. Для каждого конкретного случая поиска, выявления и отнесения содержимого папок к «правильной» категории — то есть в ходе актуального кодирования — такие соображения *ad hoc* обладали неизменным приоритетом по сравнению с тем, что обычно называют «необходимыми и достаточными» критериями. «Необходимые и достаточные» критерии не определяются процедурно кодировочными инструкциями. Наличие, способ использования, число или случаи применения таких действий *ad hoc*, как «и так далее» или «не стоит обращать на это внимание», не регулируются и не элиминируются доведением кодировочных инструкций до максимальной определенности. Наоборот, кодировщики прибегают к соображениям *ad hoc* — и практики *ad hoc-ing* используются — с целью опознания того, о чем определенно говорят инструкции. Кодировщики прибегают к соображениям *ad hoc* с целью опознания кодировочных инструкций как «операциональных определений» категорий кодирования. Они действуют как основания и как методы выдвижения и защиты претензий исследователей на то, что они произвели кодировку в соответствии с «необходимыми и достаточными» критериями.

Ad hoc-ing встречается (на мой взгляд, без какой бы то ни было возможности исправления) всякий раз, когда кодировщик занимает позицию социально компетентного члена образования, объяснение которому он должен составить, и когда он рассматривает с этой «позиции» конкретное содержимое папок как находящееся в отношении достоверного обозначения к «системе» в деятельности клиники. Занимая «позицию» компетентного члена образования, объяснение которого он должен представить, кодировщик может «видеть систему» в конкретном содержании папки. Осуществляет это он примерно так же, как нужно знать упорядоченные способы общепринятого употребления английского языка, чтобы опознавать высказывания как фразы-на-английском-языке, или знать правила игры, чтобы предпринимать ход-в-игре, при том что всегда можно представить себе альтернативные способы произведения высказывания или настольной игры. Тем самым, кодировщик опознает содержание папки как «то, что есть на самом деле», либо начинает «понимать, „о чем на самом деле говорит“ запись в учетной папке».

В таком случае, для того, чтобы кодировщик был удовлетворен тем, что он установил реальное клиническое происшествие, он должен рассматривать конкретное содержимое учетной папки как представляющее социальный-порядок-в-деятельности-клиники-и-самой-деятельности-клиники. Конкретное содержимое папки выступает *репрезентацией* социально упорядоченного уклада клинической деятельности; оно не описывает порядок и не является свидетельством порядка. Говоря, что кодировщик должен знать порядок деятельности клиники, о которой он выносит суждение, с целью опознания конкретного содержания как проявления-порядка, я хочу указать на использование кодировщиком документов из учетной

папки в *знаковой функции*. Когда кодировщик способен «видеть систему» в содержании, он получает возможность расширять и по-другому интерпретировать инструкции по кодированию — *ad hoc-ing* их, — поддерживая релевантность инструкций по кодированию для конкретного содержимого и этим формулируя смысл конкретного содержания так, чтобы в глазах кодировщика оно сохраняло, несмотря на то, что оно трансформируется кодированием, значение реального события конкретной деятельности клиники.

Отсюда вытекают некоторые важные следствия:

1) Закодированные результаты было бы типично рассматривать, как если бы они были незаинтересованными описаниями событий в клинике, а правила кодирования предположительно подтверждали бы претензию на незаинтересованное описание. Но если для того, чтобы сделать такие претензии осмысленными и понятными, необходима работа *ad hoc-ing*, то всегда можно доказать — и я пока не вижу весомого возражения, — что закодированные результаты представляют собой убедительную версию социально организованного характера операций в клинике, безотносительно к тому, каков реальный порядок, возможно, независимо от того, каков реальный порядок, и даже без установления исследователем реального порядка. Вместо того, чтобы считать, будто наше исследование клинических карьер пациентов (и множество исследований различных социальных объединений, которые были проведены такими же конвенциональными способами) описывает порядок операций в клинике, можно доказать, что объяснение представляет собой социально выработанный, убедительный и правильный способ говорить о клинике как об упорядоченном предприятии, поскольку «в конце концов» это объяснение создано посредством «научных процедур». Объяснение было бы частью реального порядка операций в клинике, во многом тем же образом, каким можно рассматривать отчет человека о своих действиях как характеристику его действий. *Реальный порядок еще предстояло бы описать.*

2) Другое следствие дает о себе знать, когда мы спрашиваем, как же следует поступить с результатами столь усердно проделанной работы по формированию и применению инструкций кодирования с целью обследования конкретного содержимого и перевода его на язык кодировочной таблицы? Если конечное объяснение является характеристикой деятельности клиники, тогда, быть может, не нужно прочитывать инструкции по кодированию как способ получения научного описания деятельности клиники, поскольку это предполагает, что язык кодирования — в том, *о чем* он говорит — независим от интересов членов, которые удовлетворяются его использованием. Вместо этого инструкции по кодированию нужно прочитывать как представляющие собой грамматику риторики; они обеспечивают «социальную науку» способом говорить так, чтобы склонять к согласию и к действию в рамках практических обстоятельств организованной каждодневной деятельности клиники, понимание которых ожидается от членов как нечто само собой разумеющееся. Ссылка на объяснение дел в клинике, которое было получено в результате следования инструкциям по кодированию, позволяет имеющим разные интересы членам убеждать друг друга и договариваться безлично по проблемам в клинике, в то время как то, *о чем* действительно говорится, сохраняет свой смысл для «дискутирующих» в качестве легитимного или нелегитимного, желательного или нежелательного, обладающего или не обладающего преимуществом для них состояния дел в их профессиональной жизни. Эта ссылка дает возможность безлично характеризовать свои дела, не требуя от членов отказа от важной организационно детерминированной заинтересованности в том, объяснение чего в их глазах «в конце концов» и дается. То, что оно объясняет, — это клинический порядок, реальные черты которого — что Известно Каждому, как знает любой член, — никогда не касаются никого-больше-в-данной-организации.

Практические социологические рассуждения: общее понимание

Социологи различают общее понимание как «продукт» и как «процесс». В качестве «продукта» общее понимание мыслится как разделяемое согласие по поводу существенных вещей; как «процесс» оно заключается в различных методах, посредством которых то, что человек говорит или делает, признается соответствующим правилу. Вебер, введя понятия *Begreifen* и *Verstehen*, каждое из которых обладает своим отличительным характером в качестве метода и формы знания, санкционировал для социологов это разделение.

Анализ опыта студентов, сообщавших о рядовом разговоре, свидетельствует, что в обоих случаях — и как «продукт», и как «процесс» — общее понимание заключается во внутритемпоральном ходе интерпретативной работы. Этот опыт указывает на некоторые странные следствия из того факта, что в *обоих случаях* общее понимание обязательно имеет операциональную структуру.

В главе 2 говорится об исследовании, в котором студентов просили сообщать о рядовых разговорах, записывая в левую колонку таблицы то, что стороны конкретно говорили, а в правую — то, о чем в их понимании говорили они и их партнеры. Одна из переданных бесед была такой:

- | | |
|---|---|
| МУЖ: Дан сегодня сумел просунуть пенни в парковочный счетчик без моей помощи. | Сегодня днем, когда я вез Дана, нашего четырехлетнего сына, из детского сада домой, он смог дотянуться и забросить пенни в парковочный счетчик, когда мы остановились в зоне платной стоянки, хотя раньше мне всегда приходилось его поднимать, чтобы он мог достать до туда. |
| ЖЕНА: Ты заезжал с ним в музыкальный магазин? | Раз он опустил пенни в счетчик, значит ты останавливался, когда он уже был с тобой. Я знаю, что ты был в музыкальном магазине либо по пути за ним, либо на обратной дороге. Так где же это было: на обратной дороге, когда он уже был с тобой, или по пути за ним, а на обратной дороге ты заезжал куда-то еще? |
| МУЖ: Нет, в обувную мастерскую. | Нет, в музыкальный магазин я заглянул, когда ехал за ним, а на обратном пути, когда он уже был со мной, я заехал в обувную мастерскую. |
| ЖЕНА: Зачем? | Одна причина, по которой ты мог заехать в обувную мастерскую, мне известна. Что же тебе там понадобилось? |
| МУЖ: Купил себе новые шнурки для ботинок. | Как ты помнишь, на днях у меня порвался шнурок на одном из моих коричневых оксфордов, так что я заехал купить несколько новых шнурков. |
| ЖЕНА: Нужно срочно поменять каблуки на твоих мокасинах. | Ты мог бы сделать там и еще кое-что. Я подумала, что ты мог бы занести туда свои черные мокасины, у которых совсем износились каблуки. Тебе бы стоило сделать это как можно скорее. |

Студенты заполняли левую колонку таблицы быстро и легко, но находили правую сторону несравненно более трудной. При получении задания многие спрашивали, сколько они должны написать. По мере того, как я все больше принуждал их к точности, ясности и

конкретности, задача становилась все более трудоемкой. В конечном итоге, когда я требовал от них исходить из того, что я узнаю, о чем они конкретно говорили, только буквально прочитав то, что они буквально написали, они начинали жаловаться, что задача невыполнима.

Хотя их жалобы касались трудоемкости исполнения требования писать «больше», это фрустрирующее «больше» нельзя было сравнивать с трудоемкостью исполнения требования скрыть гору детской лопаткой. Они жаловались не на то, что ограниченное содержание того, о чем говорилось, педантичность делала столь обширным, что у них не хватало времени, сил, бумаги, стимулов или причин, чтобы написать «все это». Наоборот, жалоба и ее обстоятельства заключались в следующем: *если*, что бы студент не написал, я мог убедить его в том, что это еще недостаточно точно, определенно или ясно, и *если* ему все еще нужно было избавиться от двусмысленности, тогда он возвращался к задаче с жалобой на то, что написание само по себе превращает разговор в разветвленную фактуру взаимосвязанных тем. Сам способ осуществления задачи умножал ее характеристики.

Была ли задача, которую я поставил перед ними, такой, что она требовала от них писать «больше»; такой, что постоянное принуждение к точности, ясности и буквальности делало ее все более трудной и в конечном итоге невозможной; и такой, что способ осуществления задачи умножал ее характеристики? Если бы общее понимание заключалось в разделяемом согласии по поводу существенных тем, задача студентов была бы такой же, с какой предположительно имеют дело профессиональные социологи. Эта задача решалась бы точно так же, как ее склонны решать профессиональные социологи, то есть следующим образом:

Студенты сначала отделяли бы то, *что* было сказано, от того, *о чем* говорилось, и устанавливали бы между этими двумя содержаниями соответствие знака и референта. *То, что* сказали стороны, рассматривалось бы как контурная, частичная, неполная, замаскированная, эллиптическая, свернутая, двусмысленная или обманчивая версия *того, о чем* говорили стороны. Задача состояла бы в заполнении контуров того, что было сказано. То, о чем говорилось, заключалось бы в уточненном и соотнесенном содержании того, что сказали стороны. Таким образом, формат левой и правой колонок соответствовал бы тому «факту», что содержание того, что было сказано, можно было бы зафиксировать посредством записывания того, что способен сохранить диктофон. Правая колонка требовала бы, чтобы было «добавлено» нечто «большее». Поскольку контурность того, что было сказано, была недостатком, студенты были бы вынуждены предпринимать поиски где-то за рамками того, что было сказано, чтобы а) найти соотносимое содержание, б) найти основания для доказательства — поскольку им нужно было бы доказать это — корректности этого соотнесения. Так как они сообщали о конкретном разговоре конкретных людей, они бы искали это дальнейшее содержание в том, что собеседники «имели в виду», или о чем они «думали», или что им «казалось», или чего они «хотели». Далее, им нужна была бы гарантия того, что они определили, что собеседники реально, а не предположительно, гипотетически, воображимо или возможно имели в виду. Иными словами, им нужно было бы упоминать наблюдаемые действия — наблюдаемые способы поведения сторон — с целью предоставления оснований для претензии на свое «реально». Уверенность в этом приобреталась бы за счет установления наличия в отношениях между собеседниками гарантирующих добродетелей, таких, как то, что они говорили честно, открыто, искренне, чистосердечно и т. п. Из всего этого следует, что студенты обращались бы к своему знанию общности понимания и к своему знанию разделяемого согласия для рекомендации адекватности своих объяснений того, о чем говорили стороны, то есть того, что стороны взаимно понимали. Тогда что бы студенты не писали, они могли исходить из того, что я, как компетентный сочлен того же самого сообщества (разговоры были в конце концов рядовыми), должен обладать способностью видеть соответствие и его основания. Если я не видел соответствия или если я составлял содержание иначе, чем они, тогда до тех пор, пока

они могли продолжать предполагать мою компетентность — то есть до тех пор, пока мои альтернативные интерпретации не подрывали мое право претендовать на то, что подобные альтернативы должны восприниматься всерьез ими и мной, — я мог восприниматься студентами как настаивающий на том, чтобы они предоставили мне более тонкие детализации, чем того требуют практические обстоятельства. В таком случае, они должны были бы приписывать мне слепую педантичность и должны были бы жаловаться на то, что поскольку «всем ясно видно» когда, для всех практических целей, уже достаточно и нужно остановиться, нет никого слепее человека, не *желающего* видеть.

Такая версия их задачи оправдывает их жалобы на то, что они должны писать «больше». Она так же оправдывает все более усиливающуюся трудоемкость задачи по мере прогрессивного принуждения к ясности и т. п. Но она плохо оправдывает конечную невозможность задачи, поскольку она оправдывает лишь одну грань «невозможности» задачи: нежелание студентов идти дальше, но не оправдывает сопутствующее ощущение, а именно, что студенты каким-то образом осознают принципиальную неосуществимость задачи. Наконец, эта версия их задачи вообще никак не оправдывает их жалобу на то, что способ осуществления задачи умножает ее характеристики.

Альтернативная концепция задачи могла бы подойти больше. Хотя сначала может показаться странным, что она подходит лучше, допустим, что мы опускаем предположение о том, что с целью описания узуса как характеристики общности понимания мы должны с самого начала знать, в чем состоит суть общего понимания. При этом мы опускаем сопровождающую это предположение теорию знаков, согласно которой «знак» и «референт» являются свойствами, соответственно, того, что было сказано, и того, о чем говорилось, и которая тем самым предполагает, что знак и референт связаны как соотносящиеся содержания. Опуская подобную теорию знаков, мы опускаем также, в силу этого, возможность того, что привлечение разделяемого согласия в отношении существенных тем объясняет узус.

Если эти принципы опускаются, тогда то, о чем говорили стороны, нельзя отделить от того, *как* они разговаривали. Объяснение того, о чем говорили стороны, состояло бы тогда целиком в описании того, как разговаривали стороны, в выявлении метода произнесения того, что должно быть сказано, например, синонимической речи, иронической речи, метафорической речи, загадочной речи, повествовательной речи, вопросительной или ответной речи, лжи, толкования, двусмысленности и пр.

Вместо и в отличие от интереса к различению того, *что* было сказано, и того, *о чем* говорилось, следует различать узнавание членом языкового сообщества того, что человек нечто высказывает, т.е. того, что он *говорит*, с одной стороны, и то, *как* он говорит, с другой. Тогда опознаваемый смысл того, что сказал человек, заключается целиком и полностью в опознании метода его говорения, в *выявлении того, как он говорил*.

Я полагаю, что правая колонка не читалась как соотносимое содержание левой и что стоящая перед студентами задача объяснения того, о чем говорили собеседники, не вынуждала их уточнять содержание того, что говорили собеседники. Я полагаю, напротив, что их письменные объяснения представляли собой попытки проинструктировать меня насчет того, как использовать то, что говорили стороны, в качестве метода выявления того, что говорили собеседники. Я полагаю, что я попросил студентов предоставить мне инструкции по опознанию того, что конкретно и несомненно говорили стороны. Убеждая их в альтернативных «интерпретациях», настаивая на том, что двусмысленность все еще остается, я заставлял их соглашаться, что они продемонстрировали мне только то, что стороны предположительно, или вероятно, или воображимо, или гипотетически говорили. *Они рассматривали это как то, что их инструкции неполны, что их демонстрации не удалась в той степени, в какой их инструкции неполны, и что различие между претензиями на «реально» и «предположительно» зависит от полноты инструкций.*

Теперь мы видим, что задача была такова, что предъявляла им требование писать «больше», выполнение которого они находили все более трудным и в конечном итоге невозможным, и что ее характеристики усугублялись процедурой ее исполнения. Я поставил перед ними задачу формулировать эти инструкции таким образом, чтобы делать их «все более» точными, ясными, конкретными и в конце концов буквальными, где значения этого «все более», а также ясности, точности, конкретности и буквальности, предположительно объяснялось в терминах свойств исключительно самих инструкций. Я потребовал от них взяться за непосильную задачу «исправления» сущностной неполноты *любого* ряда инструкций, неважно, насколько тщательно или подробно они могли бы быть прописаны. Я потребовал от них сформулировать метод, использованный сторонами в речи как правила процедуры, которым необходимо следовать, чтобы сказать то, что говорили стороны, правила, которые могли бы справиться с любым требованием ситуации, воображения и развития. Я попросил их описать методы говорения сторон, как если бы эти методы были изоморфны действиям в строгом согласии с правилом процедуры, которая формулирует метод как инструктируемую тему. Оpoznать то, *что* было сказано, *значит* опознать, как человек говорит, т. е. опознать, что жена, говоря: «Нужно срочно поменять каблуки на твоих мокасинах», говорит повествовательно, или метафорически, или эвфемически, или двусмысленно.

Они спотыкались о факт, что вопрос о том, как человек говорит, задача описания метода говорения человека, не решается и не совпадает с показом того, что то, что он сказал, соответствует правилу демонстрации последовательности, сравнимости и непротиворечивости значений.

В целях ведения своих повседневных дел люди принимают как само собой разумеющееся, что то, что было сказано, будет составлено согласно методам, которые используются сторонами для составления того, что они говорят, для наделения его ясным, последовательным, непротиворечивым, понятным или планомерным характером, т. е. как находящегося под юрисдикцией некоторого правила — одним словом, как рационального. Выявить «смысл» того, о чем сказано, — значит придать тому, что было сказано, характер «как правило». *«Общее согласие» указывает на различные социальные методы осуществления опознания членом того, что нечто было сказано-согласно-правилу, а не на демонстрируемое схватывание существенных тем. Тем самым, надлежащий образ общего понимания — это скорее операция, нежели взаимное пересечение накладывающихся рядов.*

Человек, занимающийся социологией, будь это бытовая или профессиональная социология, может рассматривать общее понимание как разделяемое согласие по поводу существенных тем путем принятия как само собой разумеющегося, что то, что было сказано, будет составлено в соответствии с методами, которые не нужно специфицировать, то есть нужно специфицировать только в «особых» случаях.

Учитывая развертывающийся характер того, о чем говорили муж и жена, опознаваемость этого для обоих подразумевала использование каждым и атрибуцию каждым другому работы, посредством которой то, что было сказано, понимается или будет понято в качестве соответствующего их отношению взаимодействия как могущее быть привлеченным правило их согласия, как интерессубъективно используемая грамматическая схема анализа речи друг друга, применение которой предусматривает, что они понимали *бы* друг друга тем же путем, каким *могли бы* быть поняты друг другом. Это подразумевает, что ни один из них не стремился призывать другого к спецификации того, как это делалось; ни один не претендовал на то, что другой должен «объясниться».

Одним словом, общее понимание, вызывающее «внутренний» темпоральный ход интерпретативной работы, обязательно имеет операциональную структуру. Для аналитика не замечать его операциональную структуру — значит использовать обыденное знание*

* Так называемый здравый смысл, common sense – Прим.ред.

общества теми же самыми способами, какими члены используют его, когда они должны выяснить, что реально делают или «о чем» реально «говорят» люди, т. е. использовать обыденное знание социальных структур *одновременно* как тему и как ресурс исследования. Альтернатива состояла бы в том, чтобы приписывать исключительный приоритет исследованию методов согласованной деятельности и методов взаимопонимания. Не *один* метод понимания, а множество разнообразных методов понимания является истинным, до сих пор неизученным, но важным предметом исследования для профессионального социолога. Свидетельством их многообразия служит бесконечный список способов, которыми говорят люди. Некоторые свидетельства их характера и различий встречаются в социально доступных толкованиях множества знаковых функций, например, когда мы обращаем внимание на маркирование, навешивание ярлыков, символизацию, эмблематизацию, криптограммы, аналогии, анаграммы, индикацию, миниатюризацию, имитацию, макетирование, симуляцию — короче, при опознании, использовании и производстве упорядоченных укладов различных видов культурной обстановки «изнутри» этой обстановки⁹.

Политики

То, что практические действия составляют проблему в определенном и далеко не очевидном отношении; каким образом они составляют проблему; как сделать их доступными для исследования; что мы можем узнать о них — таковы предлагаемые задачи. Я использую термин «этнометодология» для обозначения исследования практических действий, осуществляемых в соответствии с ниже приведенными политиками, а также для обозначения феноменов, тем, данных и методов, сопровождающих их использование:

1) Неопределенно большая область надлежащих видов обстановки может быть локализована, если используется политика поиска, заключающаяся в том, что *какой бы случай* не изучался, он исследуется на наличие следующей характеристики: «выбор» среди альтернатив смысла, фактичности, объективности, причины, объяснения, общности *практических действий* является проектом действий членов. Такая политика предусматривает, что любые вообразимые типы исследования, начиная с гадания и заканчивая теоретической физикой, привлекают наш интерес в качестве социально организованных искусных практик. То, что социальные структуры повседневной деятельности составляют контексты, объекты, ресурсы, обоснования, проблемные темы и т.д. для действий и результатов исследований, устанавливает правомерность нашей заинтересованности в любом без исключения способе проведения исследования.

Никакие исследования нельзя исключить, неважно, где и когда они встречаются, неважно, насколько широк или незначителен их размах, организация, стоимость, длительность, последствия, каковы их успехи, какова их репутация, кто их практикует, каковы их претензии, их философии или их философы. Процедуры и результаты лозоискательства, гадания, математики, социологии — вне зависимости от того, совершаются они неспециалистами или профессионалами — рассматриваются в соответствии с политикой, согласно которой каждая характеристика смысла, факта, метода, для каждого конкретного случая исследования без исключения, является управляемым осуществлением организованной обстановки практических действий, и что конкретные детерминации в действия членов по установлению последовательности, планомерности,

⁹ Этот вопрос был затронут Монро Бердсли в его статье «Прием метафоры» (Monroe Beardsley, "The Metaphorical Twist", *Philosophy and Phenomenological Research*, March, 1962), где он отмечает тот эффект, что не мы решаем, что слово используется метафорически, так как знаем, что думает человек; напротив, мы знаем, что он думает, потому что мы понимаем, что слово используется метафорически. Рассматривая в этом отношении поэзию, Бердсли пишет, что «ключи к этому факту должны каким-то образом присутствовать в самом стихотворении, иначе мы бы очень редко могли читать поэтические произведения».

релевантности или воспроизводимости их действий и результатов — начиная с колдовства и заканчивая топологией — приобретаются и обеспечиваются только через конкретные, локализованные организации прикладных действий.

2) Члены организованного объединения постоянно сталкиваются с необходимостью выяснять, опознавать, заявлять или делать очевидным рациональный, то есть последовательный, или непротиворечивый, или избирательный, или планомерный, или эффективный, или методичный, или познаваемый характер таких входящих в их исследования видов деятельности, как вычисление, построение графиков, опросы, выборки, фиксация данных, написание отчетов, планирование, принятие решений и др. Чтобы описать, каким образом конкретные исследовательские процедуры, являясь составляющими обыденных организованных занятий членов, осуществляются членами в качестве опознаваемо рациональных действий *в конкретных случаях* организационных обстоятельств, недостаточно сказать, что члены прибегают к некоторому правилу, при помощи которого определяется последовательный, или непротиворечивый, или планомерный, т. е. рациональный, характер их конкретной деятельности. Недостаточно предположить, что рациональные свойства исследований членов производятся согласием членов с правилами исследования. Напротив, «адекватная демонстрация», «адекватное сообщение», «достаточные доказательства», «изложение фактов», «переоценка зафиксированных данных», «необходимый вывод», «рамка ограниченных альтернатив», короче, все темы «логики» и «методологии», включая сами эти названия, истолковываются для организационных феноменов. Эти феномены являются контингентными итогами организации обыденных действий, и как контингентные итоги, они доступны членам в качестве норм, задач, проблем. Только таким образом, а не как инвариантные категории или общие принципы, определяют они «адекватные исследование и дискурс».

3) Таким образом, основная политика состоит в отказе от серьезного рассмотрения распространенной заявки на то, что действенность, продуктивность, эффективность, осмысленность, последовательность, планомерность, типичность, единообразность, воспроизводимость действий — т. е. рациональные свойства практических действий — оцениваются, опознаются, категоризируются, описываются путем применения правила или стандарта, приобретенного за пределами той актуальной обстановки, в пределах которой эти свойства опознаются, используются, создаются и обсуждаются находящимися в этой обстановке членами. Все процедуры, посредством которых общие характеристики логических и методологических свойств действий и результатов исследований оцениваются на основе правила, интересны как *феномены* для этнометодологического исследования и никак иначе. Структурно различающиеся организованные практические виды деятельности в повседневной жизни необходимо обнаруживать и изучать на предмет производства, истоков, опознания и репрезентаций рациональных практик. Любое «логическое» и «методологическое» свойство действия, каждую характеристику смысла, фактичности, объективности, объяснимости, общности следует рассматривать как контингентное осуществление социально организованных обыденных действий.

4) Рекомендуются политика, заключающаяся в том, что любая социальная обстановка рассматривается как самоорганизующаяся в отношении осмысленного характера ее собственных проявлений как репрезентаций либо как свидетельств-социального-порядка. Любая обстановка организует свою деятельность так, чтобы сделать свои свойства в качестве организованной среды практических действий обнаружимыми, обчисляемыми, записываемыми, сообщаемыми, о-них-историю-рассказываемыми, анализируемыми, короче, — *объяснимыми*.

Организованные социальные объединения состоят из различных методов осуществления объяснимости организационного уклада обстановки в качестве согласованного предприятия. Любое притязание со стороны практиков на эффективность, ясность, последовательность, планомерность или продуктивность и любое соображение

касательно адекватного свидетельства, демонстрации, описания или релевантности приобретают свой характер в качестве *феномена* в результате корпоративной реализации этого предприятия и благодаря способам, которыми различные организационные среды, в силу своих характеристик как организаций действий, «подкрепляют», «усиливают», «сдерживают» и т. д. эти методы, превращая занятия практиков в оправдываемые-для-всех-практических-целей.

Теми же самыми способами, которыми обстановка организуется, она *заключается* в методах, используемых членами для того, чтобы сделать очевидным уклад этой обстановки в качестве ясных, последовательных, избирательных, познаваемых, единообразных, воспроизводимых, т. е. рациональных, связей. Тем же самым способом, каким люди являются участниками организованных занятий, они вовлечены в серьезную практическую работу установления, демонстрации, убеждения путем предъявления в обыденных случаях их взаимодействий свидетельств последовательных, непротиворечивых, ясных, избирательных, планомерных объединений. Теми же самыми способами, какими обстановка организуется, она *заключается* в методах, посредством которых их члены обеспечены объяснениями обстановки как совокупности исчисляемых, пересказываемых, общеизвестных, сравнимых, живописуемых, репрезентируемых, т. е. объяснимых, событий.

5) Любой тип исследования без исключения состоит в организованных прикладных действиях, посредством которых рациональные свойства устойчивых выражений, не полностью сформулированных советов, частичных описаний, эллиптических выражений, проходных замечаний, баек, назидательных историй и т. п. делаются очевидными и демонстрируются.

Демонстрируемо рациональные свойства индексичных выражений и индексичных действий представляют собой текущее осуществление организованной деятельности в повседневной жизни. В этом состоит главный момент. Управляемое производство данного феномена в любом аспекте, из любой перспективы и на любой стадии сохраняет для членов характер серьезных практических задач, подчиненных нуждам организационно локализованного поведения. Все статьи в этой книге тем или иным образом рекомендуют этот феномен для профессионального социологического анализа.

Перевод с английского Андрея Корбута